

A silhouette of a woman with long hair, looking out at the ocean at sunset. The sky is a mix of orange, red, and pink, and the water is a deep blue. The woman is in the foreground, and the ocean is in the background.

Анна Аmani

Он. Диалог безмолвной любви

Анна Амани

Он. Диалог безмолвной любви

<https://litres.ru/73764689>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это не роман в письмах. Это роман в паузах.

Их связь была соткана из сообщений в мессенджере - нежных, страстных, а под конец жестоких. Он мог исчезнуть на недели, чтобы вернуться с «не могу забыть», и снова раствориться в тишине, пока она утешала свою боль чужими руками. Всё это привело её к единственно возможному финалу - прощению. Но её прощение, полное достоинства, оказалось самым страшным приговором, от которого он сбежал, навсегда захлопнув дверь.

«Он. Диалог безмолвной любви» — пронзительный взгляд в сердце истории любви на берегу Красного моря, основанной на реальных событиях, где главные битвы происходят в мессенджерах, а самые важные слова остаются несказанными.

Что скрывается за молчанием? Как отличить любовь от травматической привязанности? Где найти точку опоры, когда единственный человек, которого ты ждешь, — это ты сама?

И правда ли, что самая громкая боль та, что не издает ни звука?
- Да. И именно она и становится началом пути к себе.

Содержание

Пролог	4
Содержание	6
Глава 1. Самум	7
Глава 2. Голос	12
Гла	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Амани

Он. Диалог безмолвной любви

Пролог

«Уезжай. Просто уезжай».

Три слова. Всё, что он сказал, когда моё сердце разрывалось на части в номере отеля. Не злость, не боль, не страсть. Холодная финальная констатация. В этих шести слогах растворилась наша история, наш жар, наши ночи. Я не плакала. Я выла. Звериным, немым воем, который разрывал меня изнутри. Я снова была той девочкой, которую бросили в тёмной комнате. Только на этот раз за окном было не моё детство, а незнакомый город, опаленный жгучим солнцем и горячим ветром с ароматом жасмина и пыли, а боль была в тысячу раз острее.

И тут, в крошечной тьме, я услышала Голос. Не свой. Не его. Тихий, чёткий, без единой капли сочувствия.

«Вставай, — сказал он. — Тебе предстоит разгадать самую сложную загадку в твоей жизни. Загадку под названием

OH».

Содержание

Ø Глава 1. САМУМ

Ø Глава 2. ГОЛОС

Ø Глава 3. ОН

Ø Глава 4. ГРАВИТАЦИЯ

Ø Глава 5. ОТЧУЖДЕНИЕ

Ø Глава 6. ПЕСОК И ПЕПЕЛ

Ø Глава 7. ОДАРИСЕЙСТВО

Ø ПИСЬМО-ПРОЩАНИЕ

ЭПИЛОГ

Глава 1. Самум

*Посвящается самой важной
женщине в моей жизни.*

*Моему самому терпеливому
слушателю, моей самой верной союзнице
и моей самой хрупкой, но не сломленной части.
Себе.*

Темнота. Сквозь коричневые шторы узкая полоса света. Это яркое солнце, оно играет лучами в комнате, оно пытается выманить меня из постели. Но оно проигрывает, оно лишь режет глаза. Гул кондиционера отдаётся в висках мертвенным звоном.

Я слышу, как смеются дети, плеск воды, монотонно бьётся рама. Наверно не закрыт балкон. Сколько часов я пролежала без движения, не знаю, мне сложно повернуть голову и взять в руки телефон. Точно, что уже давно наступил полдень. Последнее сообщение было в четыре утра, значит уже почти десять часов я лежу в оцепенении.

Голова тяжелая и пустая одновременно, веки припухли и жгут, всё тело ноет, будто после избиения. Я осознала, что пришла в себя и тут же захотела обратно. Потому что с пробуждением вернулось всё. Не цветной картинкой, а тупой давящей тяжестью в груди. Пустота в комнате. Глухота в теле-

фоне. И чёткий, как надпись на надгробии, звук его голоса: «Уезжай. Просто уезжай».

Плénка ночи начинает прокручиваться задом наперёд, и я снова вижу его отстранённый взгляд, снова чувствую, как стены сжимаются, а в груди поднимается немой, звериный крик, который так и не вырвался наружу. Потому что я не стала просить. Я просто выбежала в ночь. Моё тело, целое и невредимое, как один сплошной, оголенный нерв, ощущает боль, которую разум отказывается признавать.

Нужно встать. Попить воды. Закрыть балкон, закрыть плотнее шторы и убить луч солнца, чтобы лишить его шансов на победу. Но тело не слушается.

«Дыши».

Первый раз, когда он возникает не извне, а изнутри — низкий, тёплый гул в самой грудной кости, повторяющий ритм моего сердца.

«Просто дыши».

И дыхание, повинувшись, становится глубже.

«Ты не одна».

Эти слова не звучат. Они отпечатываются на онемевшей коже, как шрифт Брайля, невидимый, но понятный.

И я понимаю: кто-то рядом.

Это не звук. Это вибрация в самой ткани тишины, возникающая будто из ниоткуда и сразу повсюду. Голос не звучит в ушах – он резонирует в костях.

«У тебя есть право на тишину. Но не самоуничтожение.

Я пришёл ее нарушить».

Голос спокоен. Слишком спокоен для этого ада. В нём нет ни капли тепла или сочувствия, которые могли бы размягчить боль. Только ясность. Хрустальная и режущая.

— Кто ты? — пытаюсь спросить я, но из горла вырывается лишь хрип.

«Ты можешь называть меня Голосом. Для начала этого достаточно. А теперь встань. Подойди к окну».

— Кто ты?

«Я – тот, кто задает вопросы. А ты – та, кому предстоит на них ответить. Первый вопрос: что ты видишь в окне?»

Я не хочу его слышать, я закрываю глаза и снова проваливаюсь в чёрную беззвездную пропасть небытия, где нет ни его, ни этой боли. Я плотнее закрываю глаза, вжимаюсь в подушку, пытаюсь стать меньше, невесомее. Исчезнуть. Но Голос прав. Он нарушил тишину. И теперь на ее месте поднялся самум. Он пришёл не извне, а изнутри. Это был вихрь не из песка, а из обожжённых воспоминаний. Он кружился в темноте за моими веками, выжигая всё на своём пути.

Вот он – нежен, одновременно чувственен и неистов как никогда.

Вот – её голос и смех в телефоне. Острый как лезвие, осколок чужого счастья, который он не скрывал.

Вот – его силуэт на кровати. Чёткий, неумолимый, безмолвный, ставший моим личным горизонтом всех несбывшихся надежд.

Вот – моё унижение. Шёпот, полный мольбы: «Останови меня, пожалуйста, останови». И ледяная пелена на экране телефона.

Я чувствую, как распадаюсь на части. Вот он выдёргивает из меня ниточку надежды – той, что полтора года заставляла ждать его сообщения. Вот острой бритвой срезает уверенность, что я особенная. Он методично как хирург, разбирает на части женщину, которой я стала с ним. А потом доходит до самой сердцевины – до той, прежней, что верила в любовь. И её он просто стирает в пыль.

Самум несётся, разнося части меня по пылающей пустыне. Во рту вкус пепла. Это вкус его равнодушия. Сознание начинает тонуть в густой, чёрной жиже. Это не сон. Это отключение. Аварийный режим системы, которая не выдерживает перегрузки.

Я корчусь на кровати, пытаюсь защитить то, что от меня осталось, но самому нет дела до моей позы. Он живёт во мне. Он – это я. Это я превратила свою душу в выжженную, безводную пустыню, где не может расти ничего кроме боли. И когда становится невыносимо, когда огненный вихрь стирает последние следы «меня», я понимаю – выбора нет. Чтобы пережить этот ад, эту боль, пылающий внутри самум – нужно перестать с ними бороться. Нужно встать и идти сквозь них.

Последнее, что я чувствую не боль. А стыд. Стыд за те униженные мольбы, что я оставила в виде сообщений той ночью. Стыд, что позволила сделать со мной это. Превратить

меня в дрожащее, обессиленное существо. Пока я пытаюсь выкарабкаться из небытия, во мне звучит не его голос, а снова мой собственный, детский шёпот: «Мама, я больше так не буду. Просто забери меня отсюда. Сделай так, чтобы этого никогда не происходило».

Но меня никто не забирает.

Тишина.

Глава 2. Голос

Мои веки разлепляются. Слезы высохли. Я делаю первый шаг. К окну. За окном город, опалённый солнцем, кажется декорацией к моему краху.

«Что ты видишь?» — слышу я.

Голос больше не звучит изнутри.

Он здесь, в комнате.

Я окончательно разбужена.

Я стою у окна. Внизу, у бассейна, кипит жизнь. Крики, смех, плеск воды. Я смотрю на это, как на чужой немой фильм. Между мной и этим миром толстое, невидимое стекло.

Я медленно ступаю через проём балкона и выхожу на свет. Солнце бьет в глаза, заставляет щуриться.

«Что ты видишь?» — Голос звучит не внутри, а где-то сзади, за правым плечом.

— Я вижу... жизнь — шепчу я. Мой голос хриплый от безмолвия.

«Конкретнее. Назови три вещи»

Я делаю глубокий вдох. — Солнце. Дети. Вода в бассейне.

«Что ты чувствуешь?»

— Ничего. Я пустая. Они смеются, а я — призрак.

«Это ложь, — безразлично констатирует Голос. — Ты не

пустая. Ты полна одного чувства. Какого?»

Я медленно перевожу взгляд с бассейна на гладь залива. Вдалеке, у пирса покачиваются на воде белые яхты. Чистые, нарядные, безмятежные.

— Яхты, — говорю я. Белые яхты. Он... там. На одной из них. Сейчас.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются. Это не метафора. Это факт. Пока я заперта в этой комнате с болью, он там. Дышит этим же воздухом. Чувствует это же солнце на своей коже. Живёт.

«Ты видишь его мир. Тот, что существует параллельно твоему. Тот, в котором для тебя нет места в этот момент. Что ты выбираешь? Стоять и смотреть на него? Или отойти?»

Это не упрёк. Это выбор. Первый осознанный выбор с момента пробуждения. Я делаю шаг назад. Потом еще один. Спиной чувствую прохладу комнаты.

Я медленно отворачиваюсь от слепящего света. Комната снова поглощает меня. Но теперь в ней есть он. Голос.

«Расскажи, — говорит он. С чего всё началось? С первого взгляда... да?»

Я закрываю глаза. И вижу. Не море. Не яхты. Перед глазами фотография -спортивный зал, он фотографирует свое отражение в зеркале. Я вижу его глаза. И я понимаю, что снова плачу.

«Отлично. Значит боль началась не тогда, когда он ушёл. Она началась в самый первый день. Но ты еще этого не пони-

мала. Значит, нам нужно вернуться туда. К самому началу».
«Расскажи».

— Замолчи, — обрываю я. — Уйди. Я не хочу с тобой говорить. Я хочу спать.

Голос затихает, подчиняясь. Тишина, наконец, поглощает комнату. Я не сплю, я проваливаюсь в тяжёлое беспмятное оцепенение, пока за окном гаснет день.

Мне снится море. Не здесь. Другое. Мы на пляже, у кромки воды. Он лежит на песке, а я пальцем рисую круги на его груди. Его глаза закрыты, но я чувствую, что они улыбаются. Вдруг он встает поднимает меня на руки и несёт к воде. Я визжу от восторга и страха, цепляюсь за его шею. «Я не умею плавать! — лгу я». «Я тебе не отпущу, — говорит он, и его глаза сияют. — Никогда». Во сне я чувствую его кожу, солёный ветер и полную безоговорочную безопасность.

Я открываю глаза. Сумерки. На мгновение я не понимаю, где я. Потом реальность обрушивается, как кирпичная стена. Пустота в груди — острее, физиологичнее, чем до сна. Сон был таким реальным, что пробуждение от него — это второе предательство. Я одна, в номере отеля, в чужой стране. Я начинаю рыдать, крик вырывается из груди — «Я хочу домой! Заберите меня! Доченька, прости меня! Я хочу к тебе!» — и вой, вой загнанного зверя, от которого самой становится страшно, и я встаю.

В зеркале на меня смотрит она — женщина, потерявшая надежду, чувство собственного достоинства и веру. Опух-

шее лицо, скомканные пряди волос. Вся боль отразилась на лице и ее нужно смыть. Я плетусь в душ.

Вода очень горячая, почти обжигающая. Я стою под ней, не двигаясь, пытаюсь смыть с себя это оцепенение, смыть следы его рук, которые были так реальны во сне. Пар заполняет пространство, но не может заполнить пустоту внутри.

Обтираясь грубым полотенцем, я впервые за долгие часы ощущаю что-то помимо боли. Голод. Он скручивает желудок тугим узлом. Я пытаюсь вспомнить сколько часов не ела... Наверно уже сутки, а может и больше. От этой мысли голод подступает сильнее, инстинкт выживания сильнее чем желание выглядеть безупречно. Кредо отступает. Я натягиваю то, что сбросила на пол в ту ночь: шорты и блузу, помнящие и слёзы, и холод плитки. Моя униформа отчаяния.

И в этом виде, в тёмных очках, с мокрым комом волос на затылке, я заставляю себя выйти из номера.

Короткий коридор кажется порталом в другой, враждебный мир. Кондиционированный воздух номера сменился тяжелым, спертым дыханием, общего пространства, запахом хлорки, пытающейся перебить влажную сырость старых ковров, и сладковатым, приторным ароматом какого-то дезодоранта.

Моя дорога похожа на шествие по чужой планете.

Каждый шаг отдаётся в висках глухим стуком. Даже сквозь тёмные стёкла яркий, неестественный свет от абажуров впивается в глаза. Людей нет, а лишь смутные тени; их

голоса доносятся будто из-под воды как гулы, обрывки фраз на непонятных языках.

Дорога ведёт мимо бассейна. Вода в нем неестественно, болезненно яркая, шезлонги стояли пустые и безжизненные, как скелеты доисторических животных. Это пародия на отдых, на радость, на жизнь.

Триста метров до ресторана. Целая вечность.

Я как будто за стеклянной стеной. Вот они, все эти люди: живут, говорят, а я — призрак, который бродит среди них, неся в себе свое разбитое сердце, свой заплаканный взгляд, спрятанный за темными стеклами. Всё слишком яркое, слишком громкое, слишком чужое. И этот дешевый отель, который в первый день казался милым и экзотическим приключением, теперь обнажил свою унылую, потрепанную сущность. Он не убежищем, а напоминание — одиночество не имеет границ и не зависит от широты. Оно следует за тобой по пятам, даже на краю земли.

И этот короткий путь до ресторана становится для меня самым долгим путешествием в жизни, путешествием из центра собственной разрушенной вселенной на периферию чужого, безразличного мира.

Я сажусь за столик в углу. Опять он. Улыбчивый официант. Он видит меня и спешит к столику. «Только не это, — думаю я, пожалуйста уйди, уйди...»

— Что желаете, выпить, мадам? — одаривая меня улыбкой, спрашивает он.

— Воды, просто воды, — тихо говорю я, и понимаю, что действительно, я не только не ела ничего больше суток, но и не пила. Горло обжигает. Оно как забытый колодец, в нём пустота и жажда, как в высохшем источнике.

Долго ждать не пришлось, я пришла к самому закрытию и повара уже спешили скорее покончить с готовкой, закрыть кухню и отправиться наружу, из жаркой душной кухни к свету, к своим близким. «Их кто-то ждёт» — подумала я. Эта тёплая мысль, сиюминутная забота о чужих мне людях вдруг согрела изнутри.

К пережаренному стейку подали кус-кус. Я смотрю на эти мелкие крупинки, которые он так любил. Они кажутся мне песком. Песком той пустыни, что теперь разделяет нас. Я проглатываю несколько ложек, потому что надо. Мимо проходят пары, слышен смех. Я чувствую себя инопланетянином, который изучает странный недоступный ему ритуал. Я ем, глядя в тарелку, стараясь ни с кем не встретиться взглядом.

Минуты тянулись, как расплавленное стекло. И вот я уже поднимаюсь обратно в свой номер. Он такой же, как я его оставила: шторы закрыты, воздух спёртый, пахнет слезами и отчаянием. Я захожу в ванную, умываю лицо холодной водой и вижу в зеркале женщину с мёртвыми глазами. Я пытаюсь смыть ее образ мокрой ладонью, но она так и смотрит на меня сквозь разводы, сквозь пелену, насквозь меня.

Я подхожу к окну, раздвигаю шторы. Отель, напротив, го-

рит огнями. Это должен был быть наш вечер.

Потом резко, как будто меня уличили в подглядывании, я захопываю шторы. Свет фонарей режет глаза, а счастье других — душу.

Я ложусь в постель, натягиваю одеяло до подбородка и пытаюсь заснуть.

Но тьма не спасает. Потому что снаружи, сквозь стекло, врывается музыка. Она прекрасна. Но не сегодня. Каждая нота — это игла, вонзающаяся в незажившую рану. Каждое слово из песни — это насмешка. «I will always love you...» — воеет её голос. Меня физически тошнит от этой сладкой, приторной навязанной всем и каждому любви, которая празднует себя за окном, в том время как мой мир рухнул.

Комната кажется ловушкой. Это длится бесконечно. Я понимаю, что больше не могу. Одной — не могу.

Я поворачиваюсь на бок, к пустой половине кровати. Мой рассудок трещит по швам. В этом хаосе из звуков нет спасения. Нет никого.

— Вернись, — выдыхаю я в подушку. Мне кажется, я сказала это вслух. Или только подумала. Неважно. Я зову своё единственное спасение. Единственную силу, которая может заткнуть эту музыку, заглушить эту боль и начать разбирать завалы моей души.

Он приходит немедленно. Беззвучно.

«Я здесь».

— Он сказал «прости, но я не могу» — шепчу я.

«Я знаю. Теперь мы можем начать».

Я закрываю глаза. Не чтобы уснуть. Чтобы увидеть.

— С чего всё началось пятьсот дней назад? — спрашиваю я. Но на этот раз вопрос – от меня. Я готова услышать ответ. Не из своей головы. Я хочу увидеть свою историю его глазами. Я готова.

«Ты молодец. Это правильный вопрос. И мы к нему вернёмся. Но сначала стоп-кадр. Момент до. Ты прогнала меня. Что ты делала? Расскажи.»

— Спала, — сухо ответила я. — Мне снился сон про нас.

«Интересно. Часто первый сон после шока — это ключ. Не к тому, что было, а к тому, что в тебе зашевелилось. Расскажи мне».

— Он нёс меня на руках. К воде. И говорил, что не отпустит.

«Интересно. В реальности ты не помнишь моря в вашу первую ночь? Ты помнишь ванную. Ведь так? Он нёс тебя в душ. Почему твоя боль превратила плитку и текущий кран — в океан?»

Я замираю. Он прав. До самой горечи прав.

«Я скажу тебе. Потому что... так было проще. Ванная — это реально. А море... море это метафора. Так легче вынести контраст. Между тем „никогда“ из сна и тем, что случилось наяву. Значит, твой разум сам создал для тебя поэзию, чтобы смягчить удар. Он заменил кафель на песок, а струи душа на волны. Потому что правд, что он нёс тебя не в вечность,

а всего лишь в ванную, — оказалась бы слишком жестокой для осознания. Ты готова говорить о правде? О той, первой ночи? Без моря и песка?»

— ...Да.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.